

І саме С. Кримський, вже на основі досвіду і античної, і класичної української та російської філософії, зробив сучасну реконструкцію ідеї софійності, розкривши її як принцип буття, мислення, пізнання, культури. На відміну від софіологічних вчень минулого, які, в основному, мали (в позитивному сенсі) космополітичний характер, тобто пов'язувались з ідеями «боголюдства», «всєдності», «космізму», софіологія С. Кримського «вписана» у філософію етнокультури. Базуючись на глибинних метафізичних, онтологічних, космологічних та антропологічних засадах, вона розкриває особливості української культури, ментальності, світогляду, мистецтва через «сигнатуру софійності», через ідею Софії, що освячує українське буття в його минулому, сьогоденні та будучині, творячи «домобудівництво етносу».

Бібліографічні посилання

1. Кримський С. Б. Під сигнатурою Софії // Філософ. і соціол. думка. – 1995. – № 5-6. – С. 237-238.
2. Кримський С. Б. Дім.Поле.Храм // Синтези. – 1994. – № 1.
3. Кримський С. Про софійність, правду, смисли людського буття: Зб. наук.-публ. і філос. статей / Сергій Кримський. – К.: ІФНАНУ, 2010. – 462 с.
4. Личковах В. А. Сигнатура Богородиці в духовній культурі як «покрова» національної єдності України // В. А. Личковах. Філософія етнокультури: Теоретико-методологічні та естетичні аспекти історії української культури. – К.: Вид. ПАРАПАН, 2011. – С. 48-56.
5. Кримський Сергій. Під сигнатурою Софії / Сергій Кримський. – К.: ВД «КМА», 2008. – 387 с.
6. Личковах В. А. Sacrum як ідея святовідношення в українській філософії мистецтва // В. А. Личковах. Філософія етнокультури: Теоретико-методологічні та естетичні аспекти історії української культури. – К.: ПАРАПАН, 2011. – С. 71-93.

7. Личковах В., Пономаревська О. Сигнатура Богородиці в декоративних елементах української народної ікони // Образотворче мистецтво. – 2009. – № 4.

8. Софійські читання: вип. V. Матеріали 5-ї Міжнародної науково-практичної конференції «Духовний потенціал та історичний контекст християнського мистецтва» (Київ, 28-29 травня 2009 р.) – К.: ТОВ «Видавництво «Горобець». – 2010. – 500 с.

Личковах В. А. Софіологія Сергія Кримського на фоні української філософії етнокультури.

Автор осуществляет реконструкцию учения С.Крымского о Софии и софийности, придавая ему целостный и систематизированный характер современной софиологии. Подчеркивается связь последней с философией этнокультуры, с универсалиями, архетипами, сигнатурами украинской этноментальности, мироотношения, искусства.

Ключевые слова: София, софийность, софиология, философия этнокультуры, архетип, экзистенциал, сигнатура, Сергей Крымский.

Lychkovakh V.A. Sophiology of S.Krymsky in the context of Ukrainian philosophy of ethno-culture.

The author reconstructs the theory of S.Krymsky concerning Sophia and the Principle of Sophia, turning it into the whole and systemic modern Sophiology. The latter is connected with the philosophy of ethno-culture, with the universals, archetypes, and signatures of Ukrainian ethno-mentality, world-attitude and art.

Keywords: Sophia, the Principle of Sophia, philosophy of ethno-culture, archetype, existential, signature, S. Krymsky.

Надійшла до редколегії: 23.02.2014 р.

УДК 1 (091)

В. В. Макогонова

Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара

О РОЛИ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ (ОПЫТ РЕФЛЕКСИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)

Предмет исследования – труды по истории русской философии, появившиеся в первой половине XX века. Объект – рефлексия отечественных мыслителей относительно роли художественной литературы в истории русской философской мысли. Цель – определение степени правомерности оценки русской философии как литературоцентричной. Выводы – в историографии русской философии утвердилось представление о высокой степени философской значимости русской художественной литературы; причины этого обнаруживаются в особенностях русской истории и русского мировоззрения: принятие христианства без античной традиции; интуитивный, мистический характер русского философствования; преследование правительством свободной академической философии.

Ключевые слова: литературоцентризм, роль литературы в истории философии, историография русской философии.

В последние годы в профессиональном сообществе историков русской философии сложилось весьма четкое представление об актуальных задачах изучения своего предмета. Большинство специалистов признает необходимость бороться с идеологически нагруженными стереотипами, предубеждениями, которые по объективным и субъективным причинам имеют место в историографии русской философии; расширять и уточнять источниковую базу исследований. Перспективным считается развитие «философского краеведения», региональных центров, специализирующихся на изучении наследия того или иного мыслителя. Наряду с этими задачами сохраняют актуальность «вечно открытые» вопросы о национальных особенностях русской философии, степени ее самостоятельности.

Внимание на себя обращает следующий факт: для того, чтобы решить обозначенные выше вопросы, предлагается внимательно изучить взаимоотношения русской философии с другими сферами духовной жизни: религией, идеологией, литературой.

«Эти вопросы тесно переплетены, – замечает, в частности, Г. Е. Аляев. – Когда мы пытаемся выделить национальные особенности русской философии, мы неизбежно говорим, например, о ее тесной связи с литературой или ее религиозности ... Когда речь заходит о разведении (или, наоборот, сочетании) философии и религии, философии и литературы, философии и идеологии, – нельзя избежать разъяснений по поводу того, насколько уникальной (или особенной, или наоборот, общеизвестной) является та внутренняя связь с религией, та литературность философии и философичность литературы ... тот воинственный симбиоз философии и идеологии, который мы наблюдаем в истории русской философии» [1, с. 12-13].

«Литературность философии и философичность литературы» представляет собой, таким образом, одну из важнейших теоретико-методологических проблем изучения истории русской философии. У историков философии отсутствует единое мнение по вопросу о том, оправдана ли оценка русской философской мысли как литературоцентричной. С одной стороны, существует весьма устойчивая традиция (нашедшая отражение, например, в работах Н. А. Бердяева, А. Ф. Лосева, А. Ф. Замалева и др.) признания «литературоцентричности» русской философии не просто «жанровой, внешне-формальной характеристикой», а проявлением соответствующей «логико-дискурсивной тенденции духовной культуры». С другой – существует мнение о неправомерности такой оценки и надуманности самой проблемы

литературоцентризма русской философии (М. А. Маслин).

Со своей стороны многие культурологи и литературоведы считают литературоцентризм существеннейшей характеристикой русской культуры в целом. Речь идет о «тяготении культуры к литературно-словесным формам», о культурно-рефлексивной функции литературы (М. Берг, И. Кондаков и др.). Возникает очевидная необходимость ответить на вопросы: в условиях, при которых литература является саморефлексией культуры, может ли философия не иметь литературоцентричного характера? Каков характер взаимодействия двух форм духовной деятельности (философии и литературы), которые выполняют в культуре одну и ту же функцию – функцию саморефлексии?

Ответить на эти вопросы необходимо, чтобы преодолеть ситуацию, наличие которой констатируют многие исследователи. «Дело дошло до того, что в наше время есть вполне образованные люди, которые не могут понять, чем философия отличается от литературы и есть философы, которые не могут объяснить это отличие» [6].

Наличие разногласий по вопросу о том, какова роль литературы в истории русской философии, заставляет обратиться к историографии, то есть, истории истории русской философии, чтобы составить как можно более полное представление о том, как в исторической традиции трактуется обозначенная проблема. Именно это и будет целью предлагаемого исследования.

Следует уточнить, что массив источников велики представляется оправданным разделить его на две части: труды по истории русской философии, появившиеся в первой половине XX вв., и работы современных исследователей (конца XX – начала XXI вв.). В рамках данной статьи предметом исследования выступают труды по истории русской философии, появившиеся в первой половине XX вв. Объект исследования – рефлексия русских мыслителей относительно роли художественной литературы в истории русской философской мысли.

По поводу объекта исследования следует также сделать важное уточнение. Одним из самых существенным в истории философии вопросов был и остается вопрос о том, в каком виде является философское знание, о форме, в которую облачается философская мысль на определенном историческом этапе своего развития и в определенной культурной среде. Историко-философское исследование подразумевает анализ философских текстов. Но характеристика текста как «философского» или «нефилософского» не так очевидна, как может показаться на первый взгляд [2, с. 80]. Формы выражения философского знания и

методы его получения многообразны, что определяется многообразием подходов к определению самой сущности философии. Возможность выражения философской мысли в литературно-художественной или литературно-критической форме нуждается не в констатации, а в обосновании.

Обращаясь к опыту рефлексии отечественных мыслителей относительно роли литературы в истории русской философии, невозможно анализировать его в отрыве от рефлексии относительно способов и форм бытия философии в культуре.

Хотя непосредственно в таком виде в научной литературе, насколько известно автору, цель исследования не формулировалась, работу не приходится начинать с чистого листа. Определиться с кругом источников помогло, в частности, исследование Б. В. Емельянова и К. Н. Любутина «Русская философия на путях самопознания: страницы истории». Среди работ по истории русской философии, появившихся в XIX – начале XX вв., авторы выделяют «Судьбы философии в России» А. И. Введенского (1898 г.), «Очерк истории русской философии» Э. Л. Радлова (1912 г.), «Русскую философию» А. Ф. Лосева (1918 г.), «Очерк развития русской философии» Г. Г. Шпета (1922 г.). Эти труды отвечают требованиям концептуальной выдержанности, посвящены истории русской философии в целом либо охватывают большие периоды её развития и значительный объем персоналий.

Истории изучения русской средневековой философии специально посвящен раздел учебного пособия М. Н. Громова и Н. С. Козлова «Русская философская мысль X-XVII веков». Прежде всего, авторы обращают внимание на следующий факт: если массу исследований по древнерусской культуре в целом, по литературе и искусству можно сравнить с мощным потоком, то специальная философская литература, посвященная этому периоду, – слабый ручеек. В конце XIX – первой половине XX вв., по мнению авторов, господствовала европоцентристская концепция развития русской философии, примером крайнего выражения которой является оценка Г. Г. Шпетом древнерусского периода как «невегласие».

М. Н. Громов и Н. С. Козлов приходят к выводу, что причина этого не в отсутствии древнерусской философии как таковой. Проблема «в неумении выявить древнерусскую (допетровскую) философию как особый феномен, уникальное явление, ускользающее от слишком прямолинейных сравнений с западной, восточной, схоластической, возрожденческой, новоевропейской и иными формами философствования» [5, с. 5].

С точки зрения автора данной статьи, особый интерес в контексте обозначенной проблемы представляют работы по истории

русской философии А. Ф. Лосева, Г. Г. Шпета и Н. А. Бердяева.

Первое специальное исследование по истории философии в России появилась в 1840 г. Его автор, архимандрит Гавриил (Воскресенский), замечал: каждый народ имеет не только свой особенный характер, но и свою философию. У одних народов она находит «научообразное выражение», у других – «в повестях, нравоучениях, стихотворениях и религии» [4, с. 4]. Таким образом, первый историк русской философии не связывает существование философии исключительно с академическими, «научообразными» формами.

Почти полвека работа архимандрита Гавриила оставалась практически единственным исследованием по истории русской философии. К началу XX века положение дел было таково, что позволило В. Ф. Эрну утверждать: «мы до сих пор не имеем ни одной книги по истории русской философии и очень мало исследований и статей, посвященных отдельным русским мыслителям. Для многих само словосочетание «русская философия» кажется странным, потому что они никогда не слышали, что в России более столетия существует философская мысль» [7]. Но все более осознаваемая русскими философами внутренняя потребность в рефлексии относительно собственных национально-исторических традиций и идейных истоков приводит к тому, что в первой половине XX века в качестве историков отечественной философии выступили значительнейшие русские мыслители.

Одна первых работ, целью которых была попытка дать русской философии целостную характеристику, – очерк А. Ф. Лосева (1918 г.). Выделяя общие формальные особенности русской философии, автор, в частности, пишет: «Художественная литература является кладезем самобытной русской философии. В прозаических сочинениях Жуковского и Гоголя, в творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького часто разрабатываются основные философские проблемы ... таким образом, что непредубежденный и сведущий судья назовет эти решения не просто «литературными» или «художественными», но философскими и гениальными» [4, с. 71].

Философствование может осуществляться в различных формах. В России форма научная, систематическая оказалась не соответствующей «внутреннему строю философского мышления». «Русская философия является насквозь интуитивным, можно даже сказать, мистическим творчеством, у которого нет времени, а вообще говоря, нет и охоты заниматься логическим оттачиванием мыслей» [4, с. 68]. По мнению А. Ф. Лосева, в России даже глубочайшие мыслители не оставляют после

себя цельных философских систем. Причины этого явления Лосев видит в следующем:

– с одной стороны, философские интересы пробуждаются только в XVIII веке и сразу же (под влиянием французского Просвещения) приобретают социально-публицистическую, а не научно-систематическую окраску; в XIX в. такую окраску сохраняет западничество;

– с другой стороны, славянофилы, В. Соловьев, С. Трубецкой «сознательно берут на вооружение мистическое познание православной церкви»; они не создают законченных философских систем, глубина философских откровений ставит в принципе под сомнение возможность систематизации.

Таким образом, русской философии «чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Она представляет собою внутреннее, интуитивное, мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям и определениям, а только в символе, в образе» [4, с. 71].

Очевидно, что литературно-художественная форма философствования более всего соответствует символическому, образному познанию.

История русской философии «в значительной мере направляется не кафедрою, как преимущественно это имеет место на Западе, а литературою». Таково мнение Г. Г. Шпета («Очерк развития русской философии», 1922 г.) [4, с. 311].

Каждый мыслитель, пытающийся разобраться в логике историко-философского процесса, исходит из своего понимания сущности философии. Шпет признает философию как свободную, бескорыстную деятельность, которая не входит в область внешней необходимости. «Я ... сторонник философии как знания, не как морали, не как проповеди, не как мировоззрения. Я полагаю, что философия как знание есть высшая историческая и диалектическая ступень философии, но этим не отрицаю, а, напротив, утверждаю наличность предварительной истории, в течение которой философия превращается в знание» [4, с. 218]. В своем развитии философия проходит три ступени: мудрости, метафизики и мировоззрения, Восприятие философии как мудрости корыстно. «Мудрость есть переживание морального порядка и потому – некая «добродетель». Именно как такая она выступает иногда в роли регулятива ... и критерия. Мудрость не понимает, что может быть познание ради него самого, – самопознание должно быть морально оправдано и должно непременно претворяться в практику жизни» [4, с. 327].

Понимание философии как метафизики и мировоззрения, по мнению Шпета, вызывает

более тонкое и возвышенное представление о ее пользе – для спасения души, разрешения загадок смысла жизни, оправдания мира. Метафизикой философ называет свободное индивидуальное творчество, которое может быть выражением истинно философского переживания и в этом смысле не подлежит никаким ограничениям, пока не претендует на научность. Метафизическая система есть изображение личного мировосприятия. Метафизика, претендующая на научность, есть псевдофилософия. Но псевдофилософией является также научная философия, которая стремится исключить все индивидуальное, а на его место водворить «научнообразное» общее.

Шпет настаивает на необходимости различать философию как **чистое знание** и **научную философию**. В научной философии он находит притворное самоограничение и большие претензии. «Она принимает за норму приемы и методы какой-либо частной области знания и ... пытается решать научными средствами вопросы, которые научному решению не подлежат» [4, с. 223]. По Шпету, бытие как истина тогда изучается подлинно философски, когда наша рефлексия направляется на саму мысль о бытии. Для мысли мысль открывается в себе самой, в своей подлинной сущности. Моментом зарождения философии как знания нужно считать тот момент, когда мысль впервые направила свой рефлектирующий взор на саму же мысль. «Философы вообразили, что они не познают, а «творят» и «преодолевают» ... философия должна осознать, что ее участие в действительности есть мысль» [4, с. 375].

Условием возникновения и существования философии – рассуждает Г. Г. Шпет – является наличие в обществе культурного слоя, сознание которого поднялось до высоты, исключающей утилитарное отношение к культурному творчеству. Когда такой устойчивый слой появляется в России? В истории русской культуры в допетровский период ни знать, ни духовенство, исполняющее роль интеллигенции, не составляли прочного образованного слоя нации, не имели представления о научных и философских интересах. Столетие после реформ Петра роль интеллигенции играл чиновничий аппарат. Политика правительства по отношению к распространению философских знаний, в частности, после открытия Московского университета и введения философии в постоянный состав высшего образования, не способствовала развитию профессиональной философии. Русское правительство не хотело отказаться от «специфически восточной мысли, что ... может управлять всем, в том числе духовным творчеством» [4, с. 231].

Г. Г. Шпет делает совершенно обоснованный вывод – «спокойного академического ухода философия у нас была лишена вплоть до

начала шестидесятых годов XIX века» [4, с. 310]. Запрещение свободной философии приводило к тому, что «профессора, которые ... не хотели отказаться от влияния на общественное мнение, должны были переходить от университетской кафедры к конторке журналиста, смутно, в конце концов, различая, чем одна отличается от другой и чем разнится дидактика от публицистики ... Журналистика вводила в умственный обиход русского общества европейские понятия о философии, независимо от учебных программ, предписанных правительственным руководством» [4, с. 327, 512].

Г. Г. Шпет отмечает особую роль Московского университета в умственном развитии России в первой половине XIX века. Определялась эта роль тем, что в лице некоторых своих представителей университет примкнул к литературе и через литературу нашел способ распространять философские идеи не через философию. Сложилась ситуация, когда официальные представители науки, от которых можно было бы ожидать самобытной идеологии, не могли ее дать, потому что следовали официальной программе. Те же, кто отступал от официоза, погружались в литературу. По мнению Шпета, литература была тогда единственной формой культуры в России. Такое развитие философии литературным путем имело, конечно, не только внешние (правительственная цензура), но и внутренние причины. Шпет связывает их в первую очередь с тем, что в 20-30-е годы XIX века в России формируется особая среда, складывается новая интеллигенция, которая ищет образованности ради самой образованности. Шпет высоко оценивает этот период: «очень яркая картина загорающейся умственной жизни и увлечения философией, эстетикой, поэзией, вообще свободным и бесполезным творчеством» [4, с. 510]. Литература достигла степени самосознания, ценила в себе не средство, а творчество и искусство. Такая самодостаточность есть важное качество духовной культуры, до понимания которого очень важно подняться.

«Высокая степень самосознания» литературы проявляется, в частности, в том, что «вершины своей русская философская проблематика достигает не в чистой философии, а в великой русской литературе» [3, с. 22]. Таково мнение Н. А. Бердяева («О характере русской религиозной мысли XIX века», 1930 г.). Причины этого явления можно понять, если проследить логику взаимоотношений религиозной, философской и литературно-художественной мысли, сложившуюся в русской культуре.

Как и многие современники, Бердяев считал, что «оригинальной и творческой» русская мысль становится только в XIX в. Причина такого позднего «пробуждения» – отсутствие

цельности в русской исторической судьбе. Татарское иго, переход от Киевской Руси к Руси Московской, смутная эпоха, церковный раскол, реформы Петра свидетельствуют о том, что для русской истории наиболее характерны «расколы и катастрофические перерывы». [3, с. 6].

К XIX в. мыслящий слой начинает остро мыслить и философствовать «от сознания своей совершенной беспочвенности и висения над бездной» [там же]. Естественно, что основное внимание философствующих сосредотачивается на историософской проблематике (своеобразии России и ее исторического пути). Истоки, причины своеобразия русской культуры усматриваются в восточном христианстве. Философия истории переходит в религиозную философию, появляется потребность создать русскую православную философию. При отсутствии богословской и философской традиции начинают формировать таковую свободные мыслители (офицер и помещик А. С. Хомяков, например) и писатели (А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой). «Вершиной русской мысли, величайшим русским метафизиком был ... Достоевский» [3, с. 23]. Религиозно-философская мысль развивается в религиозную философию позднее, уже в XX в.

Следует, однако, отметить, что синкретизм русской мысли XIX в., роль художественной литературы как «зачинательницы» религиозно-философской традиции не определяется исключительно «неразвитостью» русской мысли. Дело не в том или не только в том, что литература пытается решать философские задачи ввиду отсутствия философии как таковой. Как писал Н. А. Бердяев, «русская религиозная мысль XIX в. остро ощутила и осознала кризис европейской философии и увидела тупик, к которому она пришла. В этом тупике терялась реальность бытия, свободы, личности. Русская мысль почувствовала, что выход может быть только религиозный. Сознана была недостаточность эмпиризма, рационализма и критицизма. Но, со свойственным русским радикализмом ... мы не только преодолевали кризис философии, но нередко отрицали всякую самостоятельность философии и утверждали совершенную ее поглощенность религией. Русская мысль, острая по своей проблематике, с трудом устанавливала иерархические ступени и делала дифференциацию различных областей» [3, с. 22].

Таким образом, знакомство с трудами А. Ф. Лосева, Г. Г. Шпета, Н. А. Бердяева в контексте обозначенной проблемы позволяет сделать следующие выводы:

1. В историографии русской философии первой половины XX в. утвердилось представление о высокой степени философской значимости русской литературы, о важности той роли, которую она играет в истории русской философской мысли. «Художественная

литература является кладезем самобытной русской философии» (А. Ф. Лосев). «Вершины своей русская философская проблематика достигает не в чистой философии, а в великой русской литературе» (Н. А. Бердяев). История русской философии «в значительной мере направляется не кафедрой, как преимущественно это имеет место на Западе, а литературой» (Г. Г. Шпет).

2. Причины этого явления следует искать в особенностях русской истории и русского мировоззрения. Русь приняла христианство без античной традиции; не вынесла из средневековья развитой системы догматического богословия. Первые попытки систематического знакомства с западной философией в XVII-XVIII вв. не могли быть плодотворными, поскольку не сформировалась еще внутренняя потребность в философии.. Самостоятельной и творческой русская мысль становится только в XIX в.

3. Проснувшись к самостоятельному творчеству, русские мыслители восприняли состояние современной им западноевропейской философии как кризисное. Пути его преодоления они видели, в частности, в отрицании самостоятельности философии, не стремились к дифференциации различных форм духовной деятельности. Это породило особую близость и определило тесный характер взаимодействия философии, религии и художественной литературы в русской культуре.

4. Русской философской мысли изначально было чуждо стремление к «абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов». Она представляет собою интуитивное, мистическое познание сущего, осуществляемое не столько посредством понятий, сколько посредством символов и образов.

5. Профессиональная академическая философия была опутана сетями официоза, что вынудило ее искать убежища в свободной литературной деятельности, в журналистике. Именно литература стала в России основным средством самовыражения народа. Если бы академическая философия имела устойчивые традиции, действие такого внешнего фактора как правительственная цензура не могло иметь решающего значения. Но профессиональная философия как таковая в XIX в. еще не оформилась, и путь ее определился через литературу.

Представленное в рамках данной статьи исследование, безусловно, следует продолжить, сосредоточив внимание на изучении (в контексте обозначенной проблемы) историографии русской философии конца XX – начала XXI вв. Только такая работа может сделать обоснованным и целостным представление о роли художественной литературы в становлении и развитии русской философской мысли.

Библиографические ссылки

1. Аляев Г. Е. Русская философия в историческом, методологическом и смысложизненном измерении // Русская философия: история, методология, жизнь. – Полтава: ООО «АСМИ», 2011. – С. 10-18.
2. Артемьева Т. В. История метафизики в России X века. – СПб: Алетейя, 1996. – 319 с.
3. Бердяев Н. А. О характере русской религиозной мысли XIX века // Н. Бердяев о русской философии. – Ч. 2. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 3-31.
4. Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.: Очерки истории русской философии / Сост., вступ. ст., примеч. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 592 с.
5. Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X-XVII веков. Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
6. Малер А. Кризис русской философии [Электронный ресурс] // www.russ.ru/pole/krisis-russkoj-philosophii.
7. Эрн В. Ф. Г. С. Сковорода. Жизнь и учение [Электронный ресурс] // Режим доступа http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/ern/2/.

Макогонова В. В. Про роль літератури в історії російської філософії (досвід рефлексії вітчизняних мислителів першої половини XX сторіччя).

Предмет дослідження – праці з історії російської філософії, що з'явилися в першій половині XX століття. Об'єкт – рефлексія вітчизняних мислителів щодо ролі художньої літератури в історії російської філософської думки. Мета – визначити ступінь правомірності оцінки російської філософії як літературоцентричної. Висновки – в історіографії російської філософії утвердилось уявлення про високу ступінь філософської значимості художньої літератури; причини цього виявлено в особливостях російської історії і російського світогляду: прийняття християнства без античної традиції; інтуїтивний, містичний характер філософствування; переслідування урядом вільної академічної філософії.

Ключові слова: літературоцентризм, роль літератури в історії філософії, історіографія російської філософії.

Makogonova V. About the role of literature in the history of Russian philosophy (experience of reflection of Russian thinkers of the first half of the XX century).

Subject of research are the works on history of Russian philosophy, introduced in the first half of the XX century. Object of research – the reflection of Russian thinkers about the role of literature in the history of Russian philosophical thought. The aim is to determine

the degree of justification, assessment of Russian philosophy as literary. Conclusions – the idea of high philosophical significance of literature was approved in the historiography of Russian philosophy; the reasons for this are found in the peculiarities of Russian history and Russian worldview: the adoption of Christianity without the ancient tradition; intuitive, mystical

character of Russian philosophizing; repression by the government for academic philosophy.

Keywords: the role of literature in the history of philosophy, the historiography of Russian philosophy.

Надійшла до редколегії: 26.02.2014 р.

УДК: 316.3+130.2+327

О. М. Малахова

Львівський національний університет ім. Івана Франка

ЦІННОСТІ КУЛЬТУРИ В УМОВАХ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ

Аналізуються причини та наслідки трансформації системи цінностей в сучасну добу. Розкрито вплив культурної глобалізації і зумовленої нею інтеграції, уніфікації культур, міжкультурної взаємодії на зміни ціннісних орієнтирів. Доведено, що одним із наслідків цих процесів є метисаж цінностей, сформованих в національних культурах. Розкрито причини вияву ціннісного релятивізму. Проаналізовано вплив сучасних реалій на зміну ціннісних пріоритетів, утвердження домінуючої ролі вітальних цінностей у глобалізованій культурі. Розглянуто становище традиційних цінностей в сьогоденні. Виявлено негативний вплив глобалізації на ціннісні основи суспільства, які формувалися поколіннями.

Ключові слова: цінності, глобалізація, культурна глобалізація, міжкультурна взаємодія, метисаж цінностей, ціннісний релятивізм.

Проблема цінностей є однією з актуальних тем для дослідження. Це пов'язано, насамперед, із тим, що цінності є основою будь-якої культури, суспільства. Система цінностей визначає культурну неповторність та особливість. Кожна культура вибудовує свою самобутню систему цінностей, властивістю якої є трансформація. Особливого значення дана проблема набуває в період настання нового історичного періоду, в умовах соціокультурних змін та переоцінки всіх цінностей. У період глобалізації, в результаті взаємодії культур та створення глобального простору, стикаються різні ціннісні системи та утворюється їх суміш. Так, у період глобалізації тема цінності набуває нового навантаження й потребує детального вивчення. Важливим залишається питання щодо зміни традиційних цінностей, які визначають суспільну унікальність. Соціокультурні трансформації, які є результатом глобалізації, постають як причина руйнування традиційної системи цінностей.

На сьогоднішній день проблемі цінностей присвячено безліч наукових праць вітчизняних та зарубіжних вчених. Зокрема, даною проблематикою займалися такі дослідники, як Г. Ріккерт, М. Вебер, Т. Парсонс, Е. Дюркгейм – на Заході, та П. Гуревич, В. Малахов, А. Ручка, М. Лукашевич та ін. – на вітчизняному науковому ґрунті. Однак дані праці здебільшого мають теоретичний характер, тому проблема існування та пізнання цінностей є актуальною. У сучасних умовах детального вивчення потребує трансформація цінностей в умовах соціокультурних змін.

Особливо важливим для дослідження є вплив глобалізації на традиційну систему цінностей, адже вона є підґрунтям та основою кожного суспільства.

Мета даної статті – визначити результат впливу глобалізації на ціннісну систему.

Для розкриття мети поставлені наступні завдання:

- визначити роль цінностей для людини зокрема та суспільства загалом;
- розглянути культурну глобалізацію як чинник трансформації цінностей;
- дослідити вплив міжкультурної комунікації на систему цінностей;
- розкрити ціннісний релятивізм як наслідок глобалізації;
- проаналізувати вплив пострадянських реалій на систему цінностей;
- проаналізувати становище традиційних цінностей у період глобалізації.

На сьогоднішній день нема єдиного підходу до визначення поняття «цінність», адже воно предметом дослідження різних дисциплін. Наприклад, у філософському словнику подано таке визначення: цінність – соціально-філософська категорія, що позначає позитивне або негативне значення явищ природи, продуктів суспільного виробництва, форм суспільної організації, історичних подій, моральних учинків, духовних витворів для людства, окремого суспільства, народу, класу, соціальної групи чи особи на конкретному етапі історичного розвитку [17, с. 756]. Отож, цінності визначають певну важливість для індивіда, групи чи суспільства.